

Матъяна
Фроловская

СКАЗАНИЕ О ГИЛЬГАМЕШЕ

*Параллельные миры Ближнего Востока. Саваоф – бог Авраама и Мардук
с пантеоном – боги Гильгамеша
(собрано по памяти сказителей на Великом Шелковом пути)*

ПОСВЯЩЕНИЕ

Мурату Ауэзову

*Он спустился с Хан-Тенгри на Шелковый путь
По напутствию Бога: «Меня позабудь!
И себя позабудь. Помни сирых подножья!
Не скупись, запиши, что находишь возможным.
Здесь Гомер побывал,
под формингу блистал,
“Илиаду” к степям приспособил,
а не сам ли Шекспир на кочевьях играл –
покоритель дорожных колдобин?
Заиграешь, как божье сподобил!
Гильгамеш танцевал, бушевал, точно вал.*

*Александр Македонский оставил свой след:
И с Пржевальским делил он походный обед,
Ты же помнишь, тебя Македонский отметил...
И за вымыслы правды один ты в ответе.
И теперь за “Времён беспрерывную нить”
(ты богаче, чем Крёз) и обязан платить
по долгам всех героев, попавших в сказанье.
Тонко-тонко прядут шелкопрядную нить...
Это главный наказ – за талант – в наказанье».*

Предуведомление

Мерзлота меж полюсами
залегала, знаем сами.
Сколько надо праздных лет,
чтоб сменить на воду лед,

чтоб делювиальный след
тучной почвы обнажился,
чтобы хлеб взрастил народ
и хозяином прижился?

Пять миллениумов мало,
чтобы память осяяло
первозданной мерзлотой,
если пять тысячелетий
фараоны, будто дети,
с безупречной простотой
заигрались в пирамидки,
Нил на ил растекся жидкий,
только это не потоп,
а полей обогащенье,
вечной славы ощущенье
строил пленник, раб, холоп.
Богатейшая прислуга,
обгонявшая друг друга,
в память смерть преобразит,
наподобие бессмертья,
в хлебодарной круговерти
выгоды сообразит.

А тем временем потопа
добирались до Европы,
где еще библейский Ной,
юный, памятный, родной,
не родился.
Пригодился
старый, строгий Утнапиштим –
он до наших дней не лишний
(мы о нем еще услышим,
мы о нем еще напишем).
В свой ковчег собрал по паре
диких и культурных тварей –
пусть плодятся, дай им бог.
Бог по доброте помог.

Для утопших остальных,
Кроме обращений к богу,
Мало ль адресов других?
Полагаю – очень много...
Обращайтесь, обращайтесь!
Очень-то не обольщайтесь!

Что за башня Вавилона –
наводненью оборона –
для легенд, предположений,
мыслимых сооружений?

Вздорное имею мненье,
где пристать от наводненья.
Может, это Чжумуланма –
Гималайский Эверест.
На земле чудес немало,
мало ли высоких мест!

Дайте, дайте подтвержденье,
просто верить не резон.
Как мечта и наважденье,
точно вавилонский сон,
в наше новое столетье
благости и лихолетья
сквозь пургу, туман, мороз
явно слышу голос трубный,
и пока еще мы тут,
пусть крылатые изюбры
в снежных сопках пробегут.
А диковинные птицы,
как свидетели чудес,
к нам обязаны спуститься
с незапамятных небес.
Вот тогда уж мы поверим
в сказки глиняных таблиц,
расплатившись в полной мере
русской верой без границ.

1

Герой наш юный Гильгамеш –
на треть он человек обычный,
две части – бог. Как жить промеж
людей? Как богу? Неприлично.
Как человеку? Стыд и срам.
Как жить ему, не знает сам.

Вкусив брожения лозы,
в пещеру и на елку влезет.
Сказать ему – никто не смей!
О яйцах поднебесных птиц –
синичек, горлинок, орлиц,
о яйцах преисподних змей
он точно о закуске грезит,
сгребает будущий приплод
и отправляет в жадный рот.
Отнять невесту жениха,
у буйволицы – буйволенка,
у оленихи – олененка,
отнять дитя – его рука
простерлась, и не усомнится...
И праведная жизнь не снится.

Здесь все мое:
я – Царь, я – Бог!
Никто несчастным не помог.

Он все, что можно и нельзя,
уже познал. Его стезя
ему наскучила, а людям
еще сильнее она претит.
Молва недобрая летит,
но буйный норов непробуден.

Вот народился виноград –
рабы его ногами месят,
струя бежит, а он и рад,
насочинял веселых песен,
поет, уж истинно, как бог,
и пляшет зол и легконог.

И зреет заговор блудниц.
Не то чтобы в защиту птиц,
зверей лесных, девиц невинных,
мужей несчастных, матерей –
в защиту права меж людей
взамен бесправных сборищ винных
блюсти какой-нибудь закон,
что царской воле незнаком.

2

*Лугаль – должность главнокомандующего войском,
переходящая в безраздельное царствование.*

*Люгальбанда – так звали папу –
он вроде второсортный бог,
но Гильгамеш-наследник мог
и наложил на должность лапу
и принял нужное прозвание
безродным смердам в назиданье.*

Клинописный знак Лугаля
у шумер красноречив:
труб раструбы, кубки, стрелы –
слишком выпретенный мотив.
Он стрелец, он забулдыга,
сочинитель и трубарь.
Видно, в вековую старь
отыскали, откопали,
окультурили лозу –
пьют и ни в одном глазу
сожалений, угрызений –
к миру нет поползновений.

Интересный нам Лугаль –
царь и воин производитель,
самодур и повелитель
для Мардука – рядовой.
Смертный плебс возвел строенье –
Вавилонское творенье,
и закрылась вертикаль,
уходящая под небо,
внове избранный Лугаль
полным богом все же не был.

Где? В Уруке или в Уре
избран Важный человек?
Стал царем, ходил не в шкуре.
Был мужской одежды век –
в тазобедренной повязке,
в тунике шерстей хороших,
чей конец был переброшен
через левое плечо,
меч носил позолочён,
по колено в сапожках
в крокодильих ремешках.

3

Жена Мардука в храмовом строенье
век коротала в звездном настроенье.
Богиня Царпанит... О! Сарпанита!
была продленьем рода знаменита
на полный вавилонский пантеон –
беременность, рождение потомков.
Порядочные жены ждут ребенка –
мольбы к богине ото всех сторон.
Но без любви и дети не рождаются.
Иштар была обязана вмешаться,
хотя блудниц, прислуживавших ей,
гораздо больше, чем простых и верных,
и, может быть, порядочных милей...
Но как-то два лица слились в одно –
Иштар и Сарпанита, так, примерно,
в Месопотамии давным-давно
такое вышло недоразуменье,
как должное, людьми заведено,
летит от поколенья к поколенью.

Мардук – бог солнца – на ночь удалялся,
свет голубой звезды – Иштар – являлся,
как смена караула: свод багров,
темнеет,
и уже на черном своде
дворец благословит и бедный кров.

Восходит бесподобной красоты
 звезда, подобие такой звезды
 мы можем видеть в нашем обиходе,
 где протекает наше обитанье.
 Зовем Венерой. Как ни назови,
 восторг явления бурлит в крови,
 когда во тьме идешь к ней на свиданье.

Но это – новодел и модернизм.
 Звезда-Венера с неба смотрит вниз
 И возраст свой столетьями итожит.
 А та – Иштар – тысячелетий шесть
 необоримую простерла весть –
 одна любовь спасет, одна поможет.

По замыслу иштаровых блудниц
 и нескольких служилых в храме лиц,
 был вынесен вердикт для Гильгамеша –
 сломить его несокрушимый нрав,
 бесчинства справедливостью поправ
 (уж весь народ обижен, безутешен),
 и, никому о том не говоря,
 наслать на полоумного царя
 подобие несокрушимой силы.

Иштар (как мать в утробе плод носила)
 в утробе выносила встречу равных сил.
 Конечно, царь помощи не просил.
 Вернуть мышленье к норме – жизнь просила.

4

Отступление про Урского Лунного странника

Тыщу лет ждал на вызов ответ
 гордый Ур, по-библейски Халдейский,
 но Урук появился на свет
 из земли, точно выбух злодейский.
 Золотые тельцы – всем отцы,
 бык златой охраняет ворота,
 предсказатели – старцы-скопцы,
 криворотые с водоворота
 на слиянии Тигра с Ефратом,
 в золоченых кульках-колпаках
 и в халатах – заплаты к заплатам,
 горстка камешков с жадной оплаты
 в подагрических бьется руках.
 А тимпаны – из всех подворотен,
 тамбурины и бубны, кимвал.
 Забренчал – и жених приворотен,
 Пропустил – кур в ощице пропал.

Клинописные тексты хранить
не стремились шумеры Урука –
жить, рожать, погибать, хоронить...
Скот – овец и верблюдов – плодить,
торговать – сытой жизни порука.

А десяток прошедших столетий
затерялся неведомо как.
Урский странник, лишившись всех благ,
обладал сыромятною плетью,
костей ослика бил по бокам,
чтоб скорее бежал он из Ура.
Ослик тоже не верил богам,
как хозяин его Авраам,
Вавилонию звал преисподней,
повеление плетки исполнил.

Путь лежал, значит, в Урусалим,
озаботились делом одним:
там никто б не коснулся проблем,
не взглянул бы, не выдумал даже
затевать разговор о продаже
драгоценной сестрицы в гарем.

Сам Нимрод –
безраздельный властитель,
сластолюбец, тиары носитель –
вознамерился выстроить башню
его Сарре – сестрице во браке...
О, как это бесстыдно и страшно –
остальная дорога во мраке.
И тем более, бог его веры
обещал ему обетованье
и потомков по свету без меры,
без насильственного расставанья.

* * *

Заклинал он небо щедро,
еле видную звезду...
Солнцу дня, луне ущербной
разносил оброк и мзду.
И Мардуку поклонился,
Аштарот обლობызал,
перед всеми прослезился,
утомился и сказал:

– Воскуренья в каждом храме –
дым взлетел под небеса,
а божку, что снизу, с нами –
тьма, хоть выколи глаза.

Вдруг божок сто сорок пятый,
рассерчает и найдет
пагубу в свой час проклятый
на бесчувственный народ.

Авраам задумал с Миром
сопоставить Одного –
Главного, а всем кумирам
не оставил ничего.

– Чем кадить нам, скотоводам?
Много ль жира в курдюках?
Есть Единый – он свобода.
Жизнь моя в его руках...

И когда узнал, освоил:
Бог – Пространство, где ему,
чтоб других не беспокоил,
место дали по уму.

В этот бывший день последний
многих он поверг богов!
Хоть стоял, как царь наследный,
нажил тысячи врагов.

Он ушел из Вавилона,
гнавшегося по пятам.
Был он богу оборона,
навсегда остался там,

где был час уничтоженья
полчищ подданных божков
и свершилось Возрожденье
до скончания веков.

Вот и все его резоны.
Миру мир он отворил,
многобожьем покоренных
капища приговорил.

* * *

Длинным-длинная присказка здесь –
род ждал дольше, чем бог обещался.
Ур Халдейский в истории весь
сохранился и в срок провещался,
что неправ был спесивый Урук,
что забыл, как ушел Лунный странник,
но не выпустил Сарру из рук.
Жизнь – не башня, а все ж многогранник.

Где обещанное, где живот?
В непроглядном бездетном угаре
та, законная, мужа зовет –
пусть родит от служанки Агари.

Ах, бессмысленен бога обет,
видно, боже не чужд сумасбродства,
чтоб с войсками две тысячи лет
двум ветвям рвать себе первородство.

В этих перипетиях семей
все завязли – аккады, шумеры,
и филистимлянин, и еврей.
Я за что? Я, как все, для примера.

* * *

Все персонажи богатых затигрских земель
Тянут сумбур многобожьего существования,
И Авраам, озабоченный обетованьем,
До появления Ицхака попался на мель.

Первый из первых в Египет тогда заглянул,
думал пожить, но раздумал – домой воротился...
Кто этот Нил не по правилам литься загнул?!
Вспять против Тигра с Ефратом – на север пустился.

Вверх по течению с гребцами попятного Нила
в гору плывешь...
В усыпальницах берег, в могилах.

Тигр, очень буйный, а все-таки мчится на юг,
Смирный Евфрат, не соперничая, поспешает,
Весла стоят вертикально – ничто не мешает
К обетованью вести позолоченный струг.

Можно плодить от рабынь ханаанским пророкам?
Можно родиться для подвига, но околеть.
Есть же Единый. С другими не должно и сметь
род продолжать – размножаться песком за порогом.

Урскому страннику был Вавилон, точно плен.
Благостны земли – по обе границы Хеврона
издали виделись крепостью и обороной.
Внук был удачливей – вывел двенадцать колен.

Вспять он бежал по дороге великого деда.
Думал с богатством вернуться в родные края,
вот уж тогда для него засияет заря,
вот уж тогда будет полная жизнь и победа.

Но до того преисподнюю выбрал судьбу,
 дедовской практикой юный Иаков раскован,
 проданный правнук – египетской тьмой очарован,
 в обетованную землю вернулся в гробу.

Что ни затеешь, у бога свой личный расчет,
 смертному спорить не стоит: страдай и смирайся.
 Только родился – не спи – в дальний путь собирайся.
 Жизнь водопадом обрушится и утечет.

5

Удивительное превращение Энкиду в человека

*В стороне от Урука, вдали
 мне уже замаячил Энкиду;
 его вылепили из земли –
 Гильгамешу отомстить за обиду.*

Забыл есть траву со скотами,
 из лужи пить, спать, где придется,
 не знал других месопотамий,
 помимо черного болотца.
 Не грех не знать других двуречий –
 не знал он человеческой речи.
 Он тигров рвал, но Тигр с Евфратом
 неведом был ему когда-то.
 Не знал он города Урук,
 а людям был ни враг, ни друг.

Своих сожителей – зверей –
 забыл, они его забыли,
 он скоро мифом стал ей-ей,
 и начались другие были.

И Гильгамеш забыл, что сам
 упал в коленки плакать маме,
 как он сходил в Ливан, в Элам,
 искал – подраться.
 – В этой драме
 не сдвинул с места Энкиду!
 Небось, гореть теперь в аду
 взамен мозаичных парсун
 из бриллиантовых стекляшек...
 Я – великан! – пред ним – мурашек!

Божественная мать Нинсун
 скотом домашним управляла,
 как одомашнить, точно знала:
 – Пошли развратную Шамхат –
 она с ним сладит – будешь рад.

Очеловечен Энкиду,
у всех двуногих на виду,
он стал примерный горожанин,
шумерских храмов прихожанин,
был ранее животный лик,
как зверских перечень улик.
А ныне новое лицо он:
весь завитками окольцован
и с бородищей завитой
смотрел, как царь или святой.

Он огляделся и прикрыл
расшитой тканью волосатость,
и пелерина парой крыл
исправила спины горбатость,
подрезал патлы головы
и стал ходить, как я, как вы –
без рук ходил, на двух ногах,
в сандалиях и сапогах,
и очень скоро рук мозоли
размякли и сошли на нет,
стал мясо есть, с приправой соли,
с вином на завтрак и обед.

Свою любовь к зверям забросит –
для ублажения девиц,
а те упасть готовы ниц –
пойдут на все, что ни попросит.
Но он не просит, он берет,
что взял, назад не отдает.

Кто обучил таким наукам?
Шамхат, по вавилонским слухам,
очеловечила его,
не взяв в оплату ничего.

6

Вот так Энкиду с Гильгамешем
нашли друг друга на беду
Хунваве – властью леса лешим –
и счастливы в своем бреду.
Какие мирные картины!
Как дружат эти побратимы!
И рабские свои места
народ уже не проклиняет,
не жалуется, не стонет,
доносом не сквернит уста.

Две мощных силы всех потешат –
с Хунвавой справиться – мечта.

– Зачем он в кедровые мѣжи
нас не пускает? – Неспроста!
Не позовет на огонек,
не даст мешка кедровых шишек,
придурковат и недалек,
а кедровых лесов излишек.

7

Молвит Энкиду:

– Хозяин ореховых кедров –
страшный Хунвава – вовек не помог животине –
бьет росомах и медведей, а лоб его медный
не постигает, что птичкам и прочей скотине
надо питаться, а чем? Бурундук многодетный,
голубь небесный, орел и павлин разноцветный,
белочка... много ли съели припасов Ливана?
Роща от бога. Орехи – небесная манна.
Много ли съели земные зверушки припасов?
Только врагам великана от гнева нет спаса.
Каждую осень побоище – кровопролитье.
Не человек он, а зверь в человечьем обличье –
в сучьях ручищи, и рожей, и всем первобытен.

– Ну, так пойдем и убьем его – мы же герои!
– Не представляешь, с какою столкнешься горою...
– Я, – говорит Гильгамеш, – знаю меч и молитву!
Этот урод ни богам не пригоден, ни людям.
Прежде его напоим, как уснет непробуден,
так и зарубим и кончим победную битву.

Люди Урука еще не забыли той драки,
где Гильгамеш и Энкиду схватились на равных,
лбами безрогими бились с рассвета бараны
и провалились ногами под землю во мраке.

Расхохотался тогда Гильгамеш:

– Я все понял.
Ты вразумил меня силою необоримой.
Я не тщеславен, и рад, что от схватки не помер,
будешь отныне ты мне, мой родной, побратимом.

Как восхитился народ благородством царя,
много-премного простил из его притеснений,
только Энкиду, по-честному говоря,
замысел – спящего бить – обратил в изумленье.

Ночь наступила, и все разошлись по домам,
спал на перинах Энкиду, но как на иголках,
раньше он не дал бы воли сомненьям-громам...
Утром сложил страшный сон из ничтожных осколков.

Станет ли длить вавилонянин, если сменил
утром – задуманный вечером бой на другое.
Он и пошел к Гильгамешу – признаться:
– Нет сил,
боги наслали знаменей – грозит мне дурное.

И Гильгамешу привиделось в черную ночь,
будто гора погребла его в чаще пред боем.
Молвил Энкиду:
– Намерены боги помочь!
Это Хунвава свалился, сраженный тобою.

Я не пойду на Хунваву. Страшнее мой сон:
он предвещает мне гибель, капканы, ловитвы.
Брат мой, скажи мне, какой нам с тобою резон?
Лучше вернемся в Урук – нам не выиграть битвы.

Издревле в мире беда не приходит одна.
В этот же час, в сотый раз, изменивши Таммузу,
вышла Иштар из воды среди белого дня,
изобразив в Гильгамеша влюбленную музу.

Он отогнал ее, не собирався грешить –
дружба с Энкиду была ему жизни дороже.
Было два сна, что же выбрать, не могут решить.
Не сомневались, когда они были моложе.

Но Ашторот понеслась к богу неба – Ану:
– Дай мне быка разъяренного на Гильгамеша!
Он пренебрег моей страстью – его прокляну,
и затопчу, и спалю, на воротах повешу!

Птицей Иштар на быке гарцевала, пока
в ярость не впал Гильгамеш, и себя он не помнил,
вырванным с корнем святым причиндалом быка
в голову ей запустил.
В этот срок переломный
вышел Хунвава из леса, и вырвался крик.
«Драться!» – призвал устрашающей глоткою трубной.
Рубка пошла беспорядочно в этот же миг –
меч и топор – и Хунвава валяется трупом.

Все же их двое – Хунвава явился один.
Как он надеялся на устрашение видом,
но ни Энкиду, ни друг его и господин
не сплеховали, обидой попрали обиду.
Долго потом отдышаться они не могли,
прежде чем вспомнили, что сомневались – рубиться ль?
И сокрушались, что Энлиля – бога земли –
чуть не забыли, решили с добычей явиться.

Эту добычу нельзя ни поднять, ни унести,
долго не думая, голову враз отрубили,
спрятали в мех, понесли:
и подарок, и месть –
и супостата кедрового смерть подтвердили.

Энлилль не рад.
А героев встречал, как врагов,
сам сочинивший Хунваву трудом наслаждался,
через Хунваву на бедных скотов напустился,
и на людей, на царей и на полубогов.

Бог лицемерный торжественно благодарит,
дарит героям печатку из красного камня –
камень внутри воспалением мозга горит,
а для гостей открывается божья поварня.

Чем накормили, никто донести не готов;
только Энкиду от рези в желудке скончался.
Сам Гильгамеш с божьей примесью крови богов,
благо, не умер – от ветра,
как прут, закачался.

Вот он – сон в руку, раскаянье гложет, тоска,
вот он клянется, что вырвет у смерти Энкиду,
след его ног засыпают барханы песка,
мыслит: «Без следа в Урук благодатный не выйду».

8

Гильгамеш ищет Энкиду в подземном царстве. Перевозчик Уришанаби встречает прибывающих.

– Сколько скитаешься лет,
Ты, отставший от мертвых? –
Так Уршанаби впрямую
спросил Гильгамеша.

– Дюжину! Солнечный свет
мы когортой упертой
прокляли напропалую.
Я круто замешан.

Трудно – нет друга в живых,
да и в мертвых не видно.
Ходит Энкиду отдельно
и ждет воскрешенья?
Нет мне других дорогих
и за друга обидно,
я ведь люблю беспредельно
и жажду прощенья.

Я ль ему не обещал возвращение к жизни?
Боги вовеки такого не обещают.
Знай, мартирологи пишут, и пишут, и пишут.
Жизнь им – ничто – но страшат, про смерть сообщают.
Нет никакого порядка в загробине нижней...
Где тут бессмертные? Где тут живет Утнапиштим?

– Смертный с бессмертным не встретятся в нашем пределе,
я не припомню, а я – водогребщик старинный,
старый-престарый, вернее, и знаю на деле –
путь свой загробный, унылый и длинный-предлинный.

Сядь в мою лодочку. Я и тебя покатаю...
И успокойся – здесь щелки шмыгнуть не найдется.
Поговорю с тобой, милый, и сердцем оттаю,
в сад отвезу и немного посплю, где придется.

Ты Расскажи мне, кого и зачем его ищешь?
– Знаешь Энкиду? Мы с ним победили Хунваву.
Энлил его сотворил, дал и воду, и пищу,
с ним над людьми и зверями глумился на славу.

Энлил гордился Хунвавой, а нас ненавидел,
черный бугай был запущен с небес на дорогу,
был он страшнее Хунвавы и четверорогий...
Мы приложились достойно, и кто его видел?

Боги земные за все мне с лихвой отомстили –
черную немочь на друга, как вихрь, напустили,
умер Энкиду, и я его не воскресил.
Чувствую, мало осталось мне жизни и сил.

– Это поправить возможно, прибавятся силы...
Жить тебе надо, Энкиду не забывая.
Горькое горе тебя не на век поразило,
ты воскресишь его памятью, здесь пребывая.

Ты от расстройства упорство свое не ослабишь?
Я не видал тот причал – Араратские горы.
Сам Утнапиштим у нас, как разверзнутся хляби,
в прах обращает преграды, замки и запоры.

– Разве потоп повторялся?
Старик рассмеялся:
– Был бы единый! Давай с тобой здраво рассудим:
Твари из тысяч – по паре... мир в муках менялся.
В этой пещере покойны утопшие люди.

Он для того и бессмертен, чтоб мир повторился,
за катастрофой опять расцветал и плодился.

Что же ты, гордый герой, на пути растерялся?
Новый Энкиду уж где-нибудь, да родился.

В этой пещере народ от чумы погребался,
в этой пещере холерою был уничтожен,
в этой – мыл золото и от трудов надорвался...
Смертным закон – умирать через век – непреложен.

– Друг мой оставил меня? Почему он оставил?
Я не узнаю его. Я умру от чумы и холеры!
Это бог Энлиль повсюду ловушки расставил,
Все еще злится – расчелся неполною мерой.

– Ты причитаешь, пора бы тебе примириться.
Зависть ли это, а может быть, просто незрелость?
Все ли в твоём бытованье достойные лица?
Не погасить, что само по себе загорелось.

Ну, а теперь, – молвил старый старик Уршанаби, –
мы заплываем в наш сад, мы увидим с тобою:
это Спаситель, прошедший небесные хляби,
сад насадил необычный под черной землею.

– Можно ли съесть этот плод, поразительно красный?
(Как я скушаю по яблокам нашего сада!)
Вид его – чудо и вкус, несомненно, прекрасный, –
это прохлада, услада, надежда, отрада.

И говорит Уршанаби:

– Конечно, без яда
яблочко это, но съесть его вряд ли возможно –
это же камень-рубин.
Обитатели рады –
здесь им не есть и не пить –
услаждаться картинами можно.

Лист на ветвях – изумруд, малахит с хризопразом...
Жаль, посетитель недолгий, но крона густая,
осенью листьям и мертвым обычай наказан –
в золото преобразаются, наземь слетая.

Но Гильгамеш удивился:

– С чего я «недолгий»?
Кто это знает? А речь твоя что-нибудь значит?
– Я, – говорит перевозчик, – сказать тебе должен,
Сам Утнапиштим в ковчеге пустынею скачет.

– Где, покажи мне!

– Гляди, над барханом песчаным
точкой, чуть видной, его бактриан показался.

Это пустыни ковчег. Сам плывет долгожданный.
Он за тобой... На случайность он не полагался.

Сей мохноногий ковчег доплывет к океану
и Арарата достигнет, а надо – Египта,
а Утнапиштим – герой во трудах непрерывных –
автор первейшего в древности манускрипта.

9

Гильгамеш в пути не спятил –
на две трети был он бог,
познанное все растратил,
но рассудок уберег.
Он в опорках блудным сыном
обошел подлунный мир
и смирился с вражьей силой –
все надежды уморил.
До Больших ворот Урука
сам Спаситель проводил.
Положил на темя руку
и напутствие родил:
– Ты же царь, живи один!

Не тревожься о бессмертье –
мерю одной измерьте
этот мир световоздушный,
воздух цветозвуковой...
Не сравнится век бездушный
с самой скромною травой.
Будь доволен каждым мигом,
что отпущен на земле,
все по клинописным книгам
прочитаешь обо мне.
Там такое содержанье:
что дано, ты совершил.
Не награду – наказание
за деянья заслужил.
Это все мы заслужили –
выбор наш, однако, в силе,
но пройдут века-века,
верная моя рука
лучших выловит в потоке
и поднимет на ковчег –
дело здесь не в гороскопе,
не в богатом остолопе,
хоть в холопе-рудокопе
выявится человек.

Ты получишь бесконечность
вечной жизни безупречность,

но забудь свою беспечность –
и дерзай, и помогай –
у тебя в запасе вечность,
у тебя в запасе рай.

Отыщи сквозной колодец –
называется обводень,
метеором порожден,
камнем в жерле обведен.

Не забыл сказать Спаситель,
как должны светить в тот час
каждый звездный небожитель,
выкативший напоказ.
Как спуститься,
как молиться...

– Ты на дне найдешь цветок
И храни его, как око,
чтоб никто украсть не смог
до положенного срока.
Срок ты сам определяй –
Ад ты выберешь иль рай.
Это тоже в твоей воле.
Ничего сказать я боле
не скажу. Ты сам богат –
хочешь – в небо, хочешь – в ад...

Много разных наставлений
Утнапиштим надавал,
Гильгамеш их без сомненья,
как мальчишка, постигал,
в путь готов без колебаний –
вечно жить – предел желаний.

10

Лежесные плечи, атлетический торс –
не пустые от Бога пришли обретенья,
но и рук человеческих – апофеоз –
идол-бронза у солнечного сплетенья.

Еще низко Арктур в Волопасе стоял,
Аштарот закатилась в расчетное время,
Утнапиштим указов своих не менял,
Гильгамеш прихватил два нелегких беремья.

Он несет, как пушинки, в руках валуны.
Не Сизиф – не уронит в низинные дали.
Он дождался зенита зеленой луны,
привязал каменюки к воловьим сандалям.

И бултых – прямо в бездну! Колодезь глубок.
Миг – и он возвратился и голый, и босый,
Астероид-Полоний безмолвный, как бог,
Птиц во мраке отпрянул базар безголосый.

Без одежд Гильгамеш прижимает к груди
горстку нежных, как солнце горящих соцветий,
он добыл бесконечность веков впереди –
он один – обладатель бессмертья на свете.

Малый алый цветочек пронес во дворец
и, не веруя в искренность чуждых сердец,
никому ничего о себе не поведал,
сам один, сам с собой наслаждался победой.

Уходя по делам, брал с собою цветок,
и теперь одного пережить он не мог –
разделил бы с Энкиду он радость бессмертья:
«Для чего одному мне так много добра?
Мы бы срок поделили – не встали с одра
в один день, в один час, после тысячелетья.
Столько лет, столько зим куковать одному
не желаю себе, никому, никому,
даже злему врагу этих мук не желаю.
Ранним утром один ото сна воскресаю,
и один сам себя я в пучину бросаю,
от себя, как безумный, в пустыню бегу...
Даже лютому не пожелаю врагу...»

11

От безделия он сочинил два преданья:
родовое, ведь род его был знаменит,
мировое – раскинувшийся гранит
для полсотни народов внутри мирозданья.

Там все истина: с юности он тяготеет
Только к драке – другое не ставил и в грош:
Ни торговлю, ни золото, разбойный грабеж –
В мордобое силен и жалеть не умеет.
Дикий бык набезит – в лоб получит упрямый.
По барханам в пустыне не ходит народ –
Льва свирепого встретил – под мышкой несет.
Лев отбегался, будет сидеть у ворот,
Гриву и потроха растеряет гунявый.

А второе преданье: он – царь Гильгамеш.
Он не оруженосец – отец для народов –
в нем видна государственная порода –
он как солнце восходит, и весел, и свеж,
вражьих сил занимая последний рубеж.

За войной виноградные праздники сплошь.
Иудей и аккадец, шумер, ассириец –
Гильгамеш и поил, и кормил – всем кормилец,
всех богов переспорит, а людям – хорош.

12

С бессмертием он стал возвышенной и проще,
Достигнувший всего, чего и не просил,
Он пешком посетил ореховую рощу,
Энкиду не нашел и выбился из сил.

Он был готов вернуть невиданное свойство,
но с той поры наш друг ни разу не встречал
хозяина людей, бессмертного довольства
и лодочника скорбного причал.

Меж небом и землей узнал он все на свете;
он в боль и радость олицетворен.
Теперь пора за праздники ответить,
за скорби всех испытанных времен.

Смертельно он устал, одной объятый думой,
бессмертия цветок пересадил в песок
и переплыл Евфрат, и стал столпом угрюмым,
прощально поглядел, как свод небес высок,
как выползла змея (неужто гробовая!)
и пестрой, скользкой плотью оплела цветок,
по левой стороне Евфрата проплывая,
нырнула с ним в бесчувственный поток.

«Пусть поживет змея. Она меня мудрее,
а я прожил свое, я больше не могу».
Он до сих пор стоит, под ветром не старея,
как изваяние, на правом берегу.

